

Когда моя внучка вырастет и прочитает рассказы деда, то, вероятно, потребует объяснения, что такое коммунальная квартира, почему люди, не связанные родством, дружбой, жили под одной крышей, пользовались одной кухней, ванной, уборной и на всех был один номер телефона...

Объяснить трудно. Я это понял, когда однажды, уже взрослым, сидел в гостях у приятельницы. Жила она в коммуналке, занимала комнату. Мы пили кофе, когда раздался звонок и появились гости из Франции. Они привезли посылку. Естественно, их пригласили за стол. Беседа шла на французском языке, многого я не понимал, но было ясно, что гости сначала считали, что вся эта квартира принадлежит нашей хозяйке, потом спросили, есть ли у нее еще что-либо, кроме этого помещения, вероятно используемого как офис. Когда же им объяснили, что в этой комнате Анастасия не только принимает гостей, работает (она была переводчиком), но и ест, спит, хранит все свои вещи, что никакого другого жилья у нее нет и что в других комнатах этой квартиры живут чужие люди, иностранцы явно не поверили...

Квартира, где прошло мое детство, была в центре Москвы. Когда-то вся она принадлежала писателю, а в мое время там жили, кроме нас, еще семья сына бывшего владельца, чиновник одного из министерств с дочерью и сыном, профессор-ветеринар В. Потемкина с мужем и дочерью и почти обяза-

Андрей ТОЛСТЫХ

г. Москва

ТРИ СТУПЕНЬКИ К УНИТАЗУ

рассказ

тельный персонаж любой большой коммуналки — одинокая старуха Никаноровна.

Для меня она, шестидесятилетняя, казалась древностью. Но двадцать лет назад, еще до войны, она была в расцвете жизненных сил, был у нее и муж. Он служил в милиции, приходил с дежурств поздно, поднимался по «черной» лестнице и коротко звонил в дверь. Если моя мама не спала, читала или стучала на пишущей машинке, то шла открывать. Выходила из комнаты, по длинному коридору попадала на общую кухню, пересекала ее и шелкала замком.

Милиционер очень вежливо благодарил:

— Спасибо, Анна Александровна. Извините за беспокойство.

В следующую секунду ноги у него подкашивались, и он валился вперед... Прямо на руки выскочившей из-за маминой спины Никаноровны. Она, видимо, уже легла спать, отсюда и опоздание, и ночная рубашка до шиколоток.

Никаноровна привычно обхватывала своего благоверного и как верная боевая подруга несла его через кухню, потом по коридору, упиравшемуся прямо в дверь их семейного гнезда. Муж Никаноровны был пьян в стельку, но, как говорится, себя не забывал...

Он ушел на фронт в первые месяцы войны и погиб.

Никаноровна страдала от одиночества. Ее постоянным собеседником было радио. «Здравствуйте, дорогие советские радиослушатели! Говорит Пекин!» — раздавалось из черной настенной тарелки. И сразу слышался радостный голос Никаноровны:

— А-а-а! Дорогие мои китайцы!

Еще она любила оперы.

«Куда, к-у-у-да, куда вы удали-и-лись...» — сладкоголосо выпевал Сергей Лемешев. И тут же его перекрывал голос соседки:

— И не говори, милый!

Слышали мы Никаноровну хорошо, потому что дверь в свою комнату она не закрывала. Ей необходимо было слышать, что говорят соседи по телефону, который висел в коридоре, видеть, кто к кому пришел.

Наибольшие сложности у нее возникали с нашей комнатой. Дверь в нее была изнутри заперта толстенной портьерой, сильно глу-

шавшей звук. Кроме того, к нам вела отдельная «парадная» лестница. Было нелегко узнать, есть ли у нас гости, кто именно, о чем говорят. У Никаноровны было несколько методов решения этой проблемы.

Самый респектабельный: взять из пенсии пять или еще лучше десять рублей, ворваться без стука в комнату, застыть посередине и быстро крутить головой, выпучив от напряжения глаза.

— Никаноровна, тебе чего? — спрашивала мать.

— У вас разменять не будет?

Хуже, если разменять «было»: купюра исчезла и больше ее не используешь. А если она последняя?!

Тогда безотказно действовало:

— А нет ли у вас луковицы (соли, спичек, лаврового листа)?

Впрочем, соль Никаноровна не занимала много лет. Однажды перед Новым годом пронесся по Москве слух, что после праздника резко подорожают продукты. Все начали запасаться. Потемкины и мы — сахаром, Левины — мукой, а Никаноровна — солью, она и тогда была дешевой. Потом старуха долго всех уговаривала брать соль только у нее...

Но иногда эти способы попасть к нам в комнату были исчерпаны: и крупных купюр нет, и неудобно в который раз занимать спички. Тогда, истомившись без информации, но слыша за стенкой чужие голоса и звуки застолья, Никаноровна в сомнамбулическом состоянии медленно входила в нашу комнату и застывала.

— Никаноровна, тебе чего?

— Нет, нет, ничего, — отвечала старуха, — забыла я, зачем пришла...

И, удовлетворенная, исчезала.

К ней относились хорошо. Однажды соседка Надежда Николаевна вышла на кухню, увидела Никаноровну, стоящую с тарелкой над плитой.

— Никаноровна, хочешь супу?

— Нет, Надежда, ты вчера варила, а Потемкины сегодня утром. Я у ней возьму.

Когда Никаноровна сломала ногу и угодила в больницу на вытяжку, ее ходили навещать жильцы нашей квартиры...

У нас не было скандалов по поводу оплаты электроэнергии за места общего пользования.

Вероятно, делили по количеству людей. Сейчас не помню, да и спросить не у кого, всех разметала жизнь.

А были коммуналки, где этот вопрос стоял во главе угла. В некоторых квартирах каждый жилец имел свои лампочки в ванной, прихожей, кухне, коридоре... Они были подключены к его счетчику. Тут уж споров быть не могло — сколько нажиг, столько и плати. И вот, рассказывал мой приятель, вечером собирались жильцы одной такой коммуналки на кухне, готовили ужин, ставили чай. Каждый зажигал свою лампочку. Жильцов было много, кухня не просто оказывалась хорошо освещенной, в ней можно было делать хирургическую операцию, света хватало бы. Тут выходила одинокая старушка, аналог нашей Никаноровны. Она была бедная, поставить собственный счетчик, да еще смонтировать провода, лампы, денег не было. Но и чужого ей не надо. Поэтому она выходила на залитую светом кухню с зажженной свечой и гордо ставила ее на свой кухонный столик!

Особый тип — старухи из так называемых «бывших». Особенно много их жило в районе Арбата.

По Трубечкому и Дурновскому переулкам, по Молчановке и на Собачьей площадке одна такая старуха выгуливала своего бульдога Мики. Мы, ребята, звали ее Вуль-вулькой. Она разбрасывала крошки воробьям и громко подзывала их: «Вуль-вуль, вуль-вуль...» Ее бульдог был доброй собакой. Вуль-вулька разрешала гладить его, и Мики заглядывал нам в глаза слезливо и сочувственно.

В магазине «Диетический» «бывшая» (обязательно в шляпке, в нитяных перчаточках или митенках, в немыслимой траченной молью пелерине, иногда в пенсне) просила продавца нарезать потоньше 50 граммов «Голландского» сыра...

У моего приятеля были две тетушки из этой уже тогда исчезающей популяции. Жили они в малюсенькой комнатке в огромной коммуналке. Между собой говорили только по-французски.

Племянник регулярно навещал сестер своей матери. Однажды дверь ему открыла одна из

тетушек. Заламывая руки (точно так 50 лет назад это делала на сцене великая Ермолова), она простонала:

— Саша, ты слышал?! Опять война с Австро-Венгрией!

По радио только что объявили: наши войска вошли в Чехословакию. Стояло лето 1968 года...

Но вернемся в коммуналку моего детства. Соседи взяли шефство надо мной, когда на нашу семью обрушилась беда. А потом, когда жизнь наладилась, Надежда Николаевна не оставляла меня своими заботами и не делала большого различия между своим Сашкой и мной.

Ее муж, Самуил Львович Левин, был выдающимся изобретателем. На его шинах советские автомобили совершили пробег по пустыне Каракумы в начале 1930-х годов. Он был его участником, а очки, защищавшие глаза от пыли и солнца, по странному стечению обстоятельств достались мне. Они и сейчас хранятся в ящике моего письменного стола.

В 1955 году инженер Левин был отправлен в длительную поездку во Францию и Голландию. Для нашей коммуналки были полным откровением его рассказы о быте Европы, подарки, привезенные оттуда. Самуил Львович хорошо фотографировал, и нас изумляли смеющиеся лица на улицах. Как же можно веселиться в атмосфере капиталистического Запада?!

Самуил Львович привез Сашке матерчатый козырек на резинке, пакетик жвачки (о ней мы тогда даже не слышали) и водяной пистолет. Такой же набор был подарен и мне!

Прошло полвека, а я и сейчас удивляюсь не только доброте этого человека, но и его знанию ребенка. Он, сделав одинаковые подарки сыну и его другу, соседу по квартире, устранил всякую зависть между мальчишками. Он дал им только радость!

Когда прорубали через паутину арбатских переулков жуткий проспект Калинина, снося особняки пушкинского времени, очаровательные домики в стиле модерн, сбивая кариатиды с фасадов доходных домов, нас переселили на Фили. Мы оказались возле столь известного сейчас Дворца культуры имени Горбунова. Тогда это был пригород Москвы. У нас и адрес начинался словами: поселок Первомайский... Ря-

дом был поселок Орджоникидзе. Ближайшее метро — Киевская. От нее полчаса езды на трамвае и потом 15 минут пешком.

По улицам расхаживали куры, утром пели петуши. Однажды мама сильно задержалась. Ей перегородила дорогу свинья, обойти ее было нельзя, да и мама боялась этих животных.

Новая квартира была меньше и в то же время комфортнее. В самой большой комнате жили мама и я, в другой — маленькая старушка еврейка Перля-Бася Янкелевна, в третьей — ее невестка с сыном. А сын самой Поли Яковлевны (так ее звали все окружающие) сидел в тюрьме.

Поля Яковлевна была в молодости очень хорошенькой, большеглазой, с пышными черными волосами. Она приехала в Москву подростком, но так и не научилась чисто говорить по-русски. Она очень любила родительный падеж («Этих голубей мне опять спать не дали»), вместо «у» часто говорила «и». Жаловалась на внука Валеру, мальчика восьми лет:

— Этот Валерка от меня кисочки рвет!

Мама опасалась возвращения сына Поли Яковлевны. Но он оказался очень воспитанным, тихим, к тому же красивым. Был похож на Грегори Пека.

Как и Никаноровна, Поля Яковлевна скучала по общению. Особенно она оживлялась, когда ко мне, уже горному инженеру, приходили друзья. Услышав звонок, выглядывала в прихожую и, если внешний вид гостя внушал надежду, устремлялась на кухню. Там она могла ждать меня без конца. И когда я выходил, доверительно снизу заглядывала в глаза, задавая один и тот же вопрос:

— Андрюша, он аид?

Я практически всегда ее разочаровывал. Даже руководитель моего дипломного проекта, киевлянин Виталий Козленко, своим большим грустным носом вселивший в нее полную уверенность, оказался украинцем.

Кто ей подарил нежданную радость, так это светло-русый, голубоглазый Николай из Белоруссии. Он первоначально не привлек ее внимания, она вышла на кухню не узнать о его национальности, ясно, что он совсем не «аид», а просто согреть воду для чая.

Мы с Николаем стояли у плиты и ждали, ког-

да, наконец, и у нас закипит вода. Когда ждешь, быстро не получается.

Поля Яковлевна поздоровалась, для проформы спросила, откуда гость. Услышав ответ, сказала, что в Белоруссии до войны было много евреев. Николай согласно кивнул и вдруг перешел на идиш. Тот идиш, на котором писал Шолом-Алейхем. Радости Поли Яковлевны не было предела!

Потом Николай рассказал, что в маленьком белорусском поселке, откуда он родом, после войны в единственной школе был только немецкий язык. Во всех классах его вела одна учительница. Он был хорошим учеником и окончил школу с золотой медалью. В Гомельский политех поступил без экзаменов. Но вскоре выяснилось, что Николай довольно свободно говорит действительно на иностранном языке, но не на немецком, а на его диалекте, еврейском идише. Именно его знала и преподавала та учительница. И делала свое дело хорошо, Поля Яковлевна это подтвердила.

Получив отдельную жилплощадь, семья Поли Яковлевны покинула филевскую коммуналку. Мамы уже не было, а я начал подолгу уезжать «в поле». Жена в это время жила у своих родителей. В квартире мы бывали наездами. В комнате Поли Яковлевны поселилась пенсионерка Зинаида Михайловна, а в другой — служащая почтамта Галя. Наиболее интересной фигурой была, конечно, Зинаида Михайловна.

У нее не было своей семьи. Но из бесконечного числа племянников и племянниц кто-то постоянно гостил у нее. Они поступали в институты, учились и оканчивали их, выходили замуж или женились, мы были в курсе их дел...

Зинаида Михайловна могла говорить по телефону часами. В то время не существовало мобильных, и дозвониться до нас было невозможно. Правда, когда ты проходил мимо прилипшей к трубке соседки, она спрашивала:

— Вам звонить не надо?

И вновь упоенно погружалась в телефонный диалог. Однажды я не выдержал и на ее вежливый вопрос ответил довольно резко:

— Мне нет. Но вдруг кому-то надо позвонить мне.

Была у Зинаиды Михайловны еще одна осо-

бенность. Соседка Галя, собираясь на работу, занимала ванную в половине восьмого, без четверти восемь освобождала, и туда тоже на пятнадцать минут устремлялся я. Почему именно в эти полчаса должна была принять душ и пенсионерка Зинаида Михайловна, мне до сих пор не ясно. Ведь потом она до полудня никуда не уходила, читала, подметала в комнате, поливала цветы... Но часто в секундный зазор между Галей и мной в ванную заскакивала Зинаида Михайловна. В эти дни я сначала завтракал, а потом уже мылся.

К другим странностям Зинаиды Михайловны относится ее стихийный коммунизм. Дело в том, что я появлялся в квартире нерегулярно. Приезжал из командировок, естественно, не предупреждая соседок заранее. И когда выходил на кухню, особенно во время приема гостей Зинаидой Михайловной, к своему удивлению видел сваленную в раковине и на моем столе мою же только что использованную посуду, ложки, вилки, ножи... Зинаида Михайловна выскакивала на кухню вслед за мной:

— У меня гости, я воспользовалась вашим отсутствием. Через десять минут все будет убрано.

К ее чести, надо сказать, что ничего из моих вещей не пропадало. А посуда через считанные минуты была вымыта и расставлена по местам.

Привычка пользоваться чужим была в натуре Зинаиды Михайловны. Когда она готовила, то ей было мало собственного кухонного стола. Она занимала и мой, и Галин, пользовалась и нашей кухонной утварью. Но, в отличие от меня, Галя против этого яростно протестовала. Она в одной ей ведомой системе раскладывала утром на своем кухонном столе тарелочку, вилку, нож и уходила на работу. И горе Зинаиде, если вечером Галя обнаруживала, что нож или вилка лежат не так!

Однажды утром я вышел на кухню. Над Галиным столом склонилась Зинаида Михайловна. В одной руке — карандаш, в другой — линейка. Рядом лежит листок бумаги. Зинаида тщательно измеряет и записывает, что и как оставлено Галей. Вечером, после большой готовки, Зинаида Михайловна надеялась в точности воссоздать Галину композицию...

Поскольку практически все в этом мире

имеет и отрицательную, и положительную стороны, «коммунизм» моей соседки временами был удобен.

— Зинаида Михайловна, вы случайно не знаете, где лежит моя старая хозяйственная сумка с инструментами? — спрашивал я.

— Да-да, пожалуйста, — и соседка привычно нырнула в мой стеновой шкаф в коридоре и извлекла из его недр искомое...

Прошло много лет. Сравнительно недавно я попал, вероятно, в последнюю классическую коммуналку. Это было в районе Покровских ворот. По красивой удобной лестнице я поднялся на второй этаж и вскоре оказался в огромной комнате с тремя окнами. К ней примыкала маленькая кухонька. Хозяйка на мою просьбу помыть руки сказала:

— Это по коридору.

И я отправился. Подслеповатая лампа почти ничего не освещала. Коридор был извилист и коварен. Сверху свисали велосипеды и корыта, снизу норовили ударить по коленям сундуки и ящики. Телефон висел тут же за тазом.

Я заблудился и попал на кухню. По диагонали через нее были натянуты веревки, на них сушилось белье. Две газовые плиты, по четыре конфорки каждая, работали на полную мощность и были уставлены булькающими, шипящими, потрескивающими кастрюльками, чайниками и сковородками.

Ванная комната тоже обходилась почти без света, а сама чугунная ванна была на «львиных» ножках, в черных пятнах отбитой эмали...

Когда я спустя час оказался на улице, то почувствовал радость и дал себе обещание больше никогда не посещать эту преисподнюю.

И тут меня осенило! Я был в квартире моего детства: комната в три окна с отдельной кухонькой, длинный коридор, темная ванная, обширная уборная с унитазом посередине, к которому надо было восходить по трем ступенькам! А общая кухня, на которой одновременно царствуют три хозяйки! А эти запахи!

Я понял, что поездка в детство на машине времени меня не увлекает...

ВОЛКИ

рассказ

Памяти Михаила Рыкалова

Нет, было не просто холодно, а невыносимо. Ноги в элегантных туфлях сразу стали чужими. Парижское пальто, фетровая шляпа и тонкие кожаные перчатки, которые Иван обычно носил зажатými в левой руке и никогда не надевал, теперь казались издевкой и над ним, и над идеей приехать в Россию, и над необходимостью шагнуть до Коровьева. Именно так называется деревня, где он должен найти Настю Пронину. Эта библиотекарша завтра поедет с ним в Поповку, где Иван будет работать в каком-то передвижном театре.

Быстро наступала ночь. Но полной темноты не было. Белый покров земли отгонял черноту. Да и серебряный фонарь луны висел довольно низко.

Вдалеке показались желтые точки, Иван радостно принял их за огни Коровьева.

Стало еще холоднее.

Во Франции -10 градусов — национальная катастрофа: дети не ходят в школу, по радио утренние новости начинают сводкой, сколько человек замерзло минувшей ночью. А тут, думал Иван, уж не меньше 20, а может, и все 25. (Потом он узнал, что тогда ночами в России стояли тридцатиградусные морозы.) Нести чемодан не было сил, он бросил его и начал пинать ногами перед собой. Руки засунул в карманы и еще больше утопил уши в поднятый воротник пальто.

Эшелон из Парижа пришел рано утром. Началось распределение. Большинство приехавших хотели попасть в города своего детства, где им знаком каждый дом, каждая площадь. Или в какой-нибудь столичный город.

Полковник, который выписывал проездные документы, посоветовал начать жизнь в новой России, обосновавшись в провинции. Тем более что, как сказал полковник, «ваши города очень изменились, по многим из них прошла война, и все там новое, построенное на руинах».

Иван попал в Саратов. Начальник отдела культуры посмотрел аттестат Ивана о присвоении ему специальности «театральный художник» и дал предписание: поступить в распоряжение директора передвижного театра, что базируется в селе Поповка.

Секретарша начальника посоветовала на автобусе доехать до остановки «Дебаркадер номер 2», сойти на волжский лед, пойти по нему влево и через 3 километра оказаться в деревне Коровьево. Там найти библиотекаря Настю Пронину. Чуть ли не каждый день она ездит на подводе в Поповку за книгами. Она и отвезет Ивана к месту его службы.

Желтые огоньки приблизились. Но радости это не доставило: Иван разглядел силуэты четырех небольших животных, очень похожих на немецких овчарок. Но откуда здесь возьмется выводок овчарок? Иван понял, что это волки. А желтые огоньки — их глаза.

«Что-то много русской экзотики», — подумал Иван по-французски. Привычка думать по-французски со временем пройдет. Тем более что дома говорили только по-русски.

Иван вспомнил, как мать готовила бочки под засолку огурцов. В бочку наливали на локоть воды и бросали в нее раскаленные камни. Вода тут же закипала. Бочку накрывали крышкой.

Эмигранты держались за Россию и мамыными солеными огурцами, и черным хлебом, который пекла графиня Толстая, вареной картошкой с селедкой, под которые так хорошо пропустить рюмку смирновки, а не какой-нибудь грушевой водки.

Отец всегда резко отделял Россию от правящей верхушки. Последняя может быть разной, а Россия одна, неизменная со своей историей, языком, культурой, потрясающей литературой...

По инициативе отца при русском клубе был создан театральный коллектив, который поставил «Свои люди — сочтемся» Островского. Отец занимался с «актерами», вырабатывая у них

правильную русскую речь с московским «аканьем» (потом Иван многих удивлял прекрасным русским языком).

Некоторые приезжали в клуб издалека — только бы послушать русскую речь, самому поговорить на языке своих родителей, не опасаясь, что тебя не поймут и надо будет все повторять по-французски... А главное, в русском клубе дети должны говорить только по-русски. И Валя Закусихин, сын купца первой гильдии, ухаживая за хорошенькой княжной Витгенштейн, конструировал галантные фразы, нещадно коверкая русский язык. Княжна смеялась, показывая идеальные жемчуга зубов, и поправляла Валю.

Война, оккупация фашистами Парижа многое в жизни эмигрантов изменила.

Когда стало ясно, что пора, Иван и его родной брат Николай пришли к отцу за благословением. Они уходили в маки. Отец, бывший офицер царской армии, конечно, благословил. Добавил, что ушел бы с ними, да возраст и больное сердце не пускают. Мать не проронила ни слова. Лишь, обнимая сыновей, всхлипнула в носовой платок и перекрестила на прощание новых бойцов французского Сопротивления.

Союзники входили в Париж с одной стороны, а на другой фашисты расстреливали Николая, тогда руководителя молодежного крыла движения Сопротивления.

Отец умер еще до Победы, мать пережила его лишь на полгода. Вскоре из Франции в СССР пошли эшелоны бывших эмигрантов и их детей. В одной из теплушек ехал Иван...

Волки подошли совсем близко. Иван любил животных, но сейчас при виде этих серых существ с горящими глазами его охватила паника.

Коровьево возникло на высоком берегу как-то сразу. Пришлось взять чемодан в руки и, увязая в снегу, вскарабкаться на кручу. Тут же стояла изба, в которой уютно светились три окна по фасаду.

Иван прошел незапертой калиткой к расчищенному крыльцу и постучал. Совсем рядом раздался волчий вой. «Понятно, — подумал Иван, — пропал обед. Тут завоешь».

Старческий голос из-за двери неприветливо спросил:

— Чего надо?

— Это Коровьево? — спросил на всякий случай Иван.

— Ну, — ответил голос. Иван понял, что это по-местному «да».

— Мне Настя Пронина нужна.

Дверь открыли. На пороге стояла высокая старуха со строгим лицом.

— Заходите, только быстро, холоду не напустите, — сказала она и продолжила: — Пронины — это мы. А Настя сейчас придет. К подруге побежала. Проходите.

В избе пахло печкой и едой. У темного окна сидел старик. Его лицо со впалыми щеками украшал большой нос, похожий на утиный.

— Откуда будешь, дорогой? — спросил старик.

— Из Парижа, — брякнул Иван и почему-то удивился нелепости своего ответа.

Но старик воспринял этот ответ без изумления. Он выпрямил спину и закричал старухе:

— Вот, мать, я тебе всегда говорил, что мир еще узнает Прониных! Из Парижа к нашей Насте человек приехал! Ну, накрывай на стол, что там у тебя в печи-то.

Иван опрокинул в рот рюмку крепчайшего самогона, начал есть горячую разваренную картошку. И почувствовал себя дома.

«Конечно, Раиса, эта птичка божья, может идти по перрону с малюсеньким чемоданчиком без забот и волнений. В ее головке не укладывается, что людей грабят и убивают, что бродяги устраивают ночлежки не только в закрытых на зиму дачах, но и в купе железнодорожных вагонов! Хороши б мы бы-

ли, если бы я заранее не побеспокоилась!» — историчка Людмила Ивановна затопала тяжелыми ногами и надвинулась на миниатюрную англичанку. Та остановилась и стала еще прямее. Хотя росточку ей это почти не прибавило.

Сквозь нагромождения восклицаний и обещаний не дать в обиду Раиса вычленила главную мысль: что-то случилось с их местами. Высоким голосом, перекрывающим любой шум в классе, она произнесла свое «фирменное»:

— Так, спокойно!

Людмила частично справилась с охватившим ее волнением, но не до конца, и продолжала клокотать.

Учительницы шли вдоль поезда. Его подали задолго до объявления посадки, и он стоял в сумерках у пустынного перрона с невключенными огнями, с закрытыми дверьми. Он напоминал дремлющего человека, смакующего последние минуты перед пробуждением.

— Вот наш вагон, — Людмила Ивановна от избытка чувств даже задохнулась. — Но, ради бога, не входите! Подождем остальных и будем разбираться.

Англичанка кивнула, соглашаясь, и замерла. Дул холодный ветер. Она втянула голову в меховой воротник пальто и стала похожа на нахохлившегося воробья. Через минуту она заявила:

— Нет, меня это не устраивает, — и решительно толкнула вагонную дверь.

Та легко открылась. Раиса Давыдовна шагнула в тамбур и через секунду оказалась в тесном коридоре. Тусклый свет почти не освещал его. Здесь было тепло, пахло углем и чем-то «машинным». Так пахнут инструменты, спеццовки механиков, сами машины. Раиса споткнулась о какие-то железки. Они громко звякнули. Этот звук придал энергии идущей сзади Людмиле.

— Давайте здесь постоим, дальше не пойдем, — взмолилась она.

— Нет, я хочу попасть в свое купе, — ответила англичанка. Она встряхнула коротко стриженной головой, с силой дернула за ручку. Дверь отъехала в сторону и застыла со звуком пистолетного выстрела.

Перед глазами учительницы предстала ночлежка. Висели грязные телогрейки, меховые шапки, растянутые свитера. Но, главное, на полках и даже на полу лежали мужчины. Они были в майках, в спортивных штанах, шерстяных носках. Царил «машинный» запах. Лишь один из лежащих отреагировал на открывшуюся дверь. Он приподнял голову и уставился на гостью.

— Так, спокойно! Что здесь происходит?

Для спящих звук ее голоса был подобен удару хлыста. Ближайший из мужчин вскочил, раскинул руки, и в следующую секунду тонкий с горбинкой нос англичанки уперся в его живот, прикрытый лишь белой майкой.

— Раиса Давыдовна! Раиса Давыдовна!

— Здравствуй, здравствуй, Галимзян. Я тоже рада тебя видеть! — англичанка вынырнула из объятий гиганта.

— Помните меня, Раиса Давыдовна?

— Конечно, помню, ты за последние четверть века не изменился.

— И вы тоже, и вы тоже! Ребята, что не здороваетесь? Не проснулись еще?

Остальные стеснялись своего вида, но деваться было некуда, и, преодолевая смущение, они втягивались в беседу.

— Вы будете с нами чай пить, Раиса Давыдовна?

— Обязательно. А кто его сделает?

— Уже поставили. У нас везде свои люди. Сейчас Сашкина Ленка принесет.

— Она проводником в этом вагоне работает. За сахаром побежала.

В двери показалась женщина с веселым курносым лицом.

— Вот, Раиса Давыдовна, моя Ленка.

— Здрасьте, я про вас каждый день слышу. Сашка как начнет нашего Вовку ругать, обязательно говорит: «Тебя к Раисе Давыдовне на выучку отдать, ты бы по-английски заговорил!»

— Ну, сам-то он не очень по моему предмету успевал.

— Раиса Давыдовна, я, конечно, больше трояка у вас не получал, но до сих пор многое помню.

— Мне приятно это слышать. Чай очень

вкусный. А теперь объясните, почему вы в нашем купе живете?

В ответ раздался хохот. Коля Егоров отсмеялся первым:

— Бригада мы. Аварийная. Как после седьмого класса вышли из школы, так и начали в мастерских учениками работать, а потом на авариях. Пионерами в одном звене были и теперь вместе. Сейчас на аварию едем. На 30-м километре стрелка отъехала и маневровый сошел. Вот будем разбираться, может, к рассвету управимся. Вы, Раиса Давыдовна, колбасу будете? А в это купе нас Ленка пустила отдохнуть, подкрепиться. Мы и вздремнули. Этот поезд единственный на 30-м километре остановку делает.

Лена опять возникла в дверном проеме:

— Я вас, Раиса Давыдовна, в другое купе посажу, а здесь, как ребята уйдут, все помою, проветрю.

— Не беспокойтесь, все хорошо.

— Раиса Давыдовна, ведь как получилось: мы школу окончили, и вы от нас ушли, начали в центре города работать.

— Я купила кооперативную квартиру и переехала в другой район.

— Вы сначала со своей мамой в коммуналке жили. Я навещал вас, когда болели.

Раиса почувствовала, что поезд уже набрал скорость. Давно исчез вокзал, пробежали светящиеся дома городских окраин. Где-то внизу, во тьме, стучали колеса.

— Вам, мальчики, собираться пора. Я в коридоре подожду.

Она вышла. Ее коллеги, также удостоенные поездки по старым русским городам, обосновались в соседнем купе. Раиса заглянула, поздоровалась. На немой вопрос Людмилы Ивановны ответила:

— В Железнодорожном районе сразу после института работала... Была у них классным руководителем...

Поезд начал тормозить. Раиса пошла на выход, и за ней потянулись ремонтники. Каждый из них в тяжелой одежде, сапогах, ушанке, с ящиком инструментов, был огромен и с трудом умещался в коридоре.

Но им казалось, что время вернулось назад,

что они еще мальчишки, а Раиса — молодая женщина, только-только приехавшая в провинцию после окончания столичного педвуза. Уроки закончились, сейчас ребята разбегутся по домам, а она, проводив их, пойдет в учительскую...

В тамбуре было тесно.

— До свиданья, Раиса Давыдовна!

— До свиданья, Коля. До свиданья, Володя. До свиданья, Галимзян. До свидания, Толя. Всего доброго, Расим.

— Good bye, Raisa Davidovna!

— До свиданья, Саша. Будь умницей!

Тема очередной его книги, как выяснилось, была интересна многим, узник французских тюрем, известный в истории под страшным именем «Железная маска». Подумать только! Книга о страдальце, сидевшем в другой стране, в другом веке, вызывает такой отклик! И это в России, переживающей чуть ли не революцию, вернее, наоборот, реставрацию!

Ивану Александровичу этот интерес, конечно, был приятен. Поэтому, когда в издательстве секретарша Ирочка вручила ему пачку распечаток электронных писем, пришедших на его имя, Иван Александрович зарделся от удовольствия.

Дома, поужинав и напившись чаю, он сел за свой любимый еще дедовский письменный стол и начал просматривать распечатки. В основном читатели благодарили автора в самых избитых выражениях. Вероятно, книга не смогла вдохновить их на что-то более оригинальное.

И тут Иван Александрович востепенел: в очередной распечатке все было необычно, начиная с обращения.

«Дорогой Ваня! — читал Иван Александрович. — Ты уже стал старым и важным академиком, профессором, членом разных научных обществ, но для меня ты все тот же Ваня, которому чуть больше двадцати, с кем после получения стипендии мы ходим в кафешку при Транспортном агентстве, что в начале Ленинского проспекта. Пишет тебе Давид Факельман. Помнишь такого? Может, и забыл уже, ведь, страшно сказать, не общались мы больше 30 лет!

Но по старой памяти я тебя буду величать все же Ваней, ведь отчества твоего я не знаю и знать не хочу. Как не знаю и твоих адресов, ни почтового, ни электронного. Поэтому пишу на издательство, на Е-мейл, указанный в выходных данных твоей замечательной книги.

Написать тебе заставило несколько причин. Но сначала два слова о себе. Ты, вероятно, помнишь, что после, без преувеличения, блестящей защиты дипломной работы я уехал в Израиль с первыми получившими заграничные паспорта советскими гражданами. Как и у большинства «отъезжантов», так сложилось, что я оказался в США, а не на родине предков, кстати, очень-очень дальних. Ближайший из них Авраам из Ветхого Завета. Итак, с моим жутким английским, с не менее жутким дипломом (напомню, его тема была: «Российское законодательство после отмены крепостного права») я оказался в Новом Свете. Сказать, «нас в Америке не ждали», значит, не сказать ничего. Короче, я получил еще одно высшее образование и стал весьма преуспевающим специалистом по базам данных. Работаю в крупной фирме и на жизнь не жалею. Недавно начал думать по-английски и наконец окончательно избавился от русского акцента. У меня одна жена (постоянная), одна дочь, одна внучка. Зятья, правда, регулярно меняются. Обо мне более ни слова! Теперь о том, почему я накропал это послание.

Во-первых, тебе передает привет сэр Чарльз Джеральд Спенсер, родственник принцессы Дианы. Ты с ним переписывался, когда работал над книгой о Ричарде Львиное Сердце.

Кстати, очень хорошая работа, в которой ты, рассказав все, что действительно известно об этом весьма неоднозначном рыцаре, сумел объяснить, почему его обаяние пробило века и пришло в наше время в стихи, романы, кинофильмы. Так вот сэр Чарльз тебя помнит, благодарит за присланную ему книгу и готов продолжить сотрудничество. Я с ним общался на одном университетском собрании, когда недавно был в Королевстве. Спенсер еще бодрый старикан.

Во-вторых, извещаю, что твоя «Железная маска» сделана не хуже «Львиного Сердца».

Я, хотя уже давно не историк, да и стать им толком не успел, все же интересовался этой Маской. Как и ты, я отбросил все навороты и оставил только подтвержденное фактами. У меня тоже получилось: этот несчастный человек был родственник по крови тогдашнему королю Франции Людовику V. Ты молодец, что довел свое исследование до конца, до имени узника. Bravo! Но ни ты, ни другие исследователи не обратили должного внимания на одну деталь (я дарю тебе эти рассуждения, можешь включить их в следующее издание твоегоopusа без ссылки на меня).

Так вот, никто не обратил серьезного внимания на такой факт: узнику почти не разрешали разговаривать! Якобы король боялся, что в разговоре он назовется или даст намек собеседнику на свое имя и происхождение. Но я думаю, не только это заставило тюремщиков заткнуть рот Маске. Люди, похожие внешне, как, вероятно, узник и король, часто имеют и похожие тембры голосов. Иногда это распространяется вообще на близких родственников (возьми отца и сыновей Михалковых, все говорят голосами одного тембра).

Внешность человека можно скрыть маской, а тембр голоса — молчаньем! У Людовика был очень характерный голос, довольно высокий и надтреснутый. Когда он кричал, переходил в поросячий визг. Ты спросишь, откуда я это знаю?

Ванюша, я тоже стар и просто так слов на ветер не бросаю. Поэтому отвечаю по пунктам и развернуто.

Японцы установили: тембр голоса зависит от строения черепа, вернее, нижней его части.

Нужно взять координаты характерных точек с черепа исследуемого или с его изображений, ввести в соответствующую программу и услышать голос данного человека. Японцы заставили говорить Мону Лизу, да Винчи, Нефертити, Наполеона, а я Короля Солнце. И получилось у меня, что у него был весьма противный голосишка. Я заставил его читать в оригинале шекспировское «Быть или не быть». Такой голос узнаешь из тысячи!

Вероятно, у Маски был королевский голос! Отсюда и запрет на разговоры с кем-либо, кроме коменданта очередной тюрьмы.

Теперь третье, и последнее. После французской Маски хорошо бы тебе, Вань, обратиться к русским «маскам». В документах они значились изящно: «известная персона». Я знаю трех наших «масок»: царицу Евдокию Лопухину, первую жену Петра, царевича Алексея, его сына, и несчастного Иоанна Антоновича. Этих безвинных людей содержали в застенках без решения суда, без упоминания имен, все они были царской крови или находились в ближайшем родстве с августейшей фамилией. Тут сходство с французской Маской налицо. Если порыться в архивах, уверен, можно продолжить список русских безымянных узников.

Засим остаюсь любящий тебя

Додка Факельман».

Студенческие годы давно миновали. Иван Александрович поморщился и еще раз перечитал это письмо. Потом положил его на стол, аккуратно перегнул лист, потом еще и еще раз. В результате получился остроносый «истребитель». Профессор взял его в правую руку и точным движением отправил в корзину для ненужных бумаг.

Эдуард Рэмирович Кулик взял из рук уличного распространителя толстую газету и пошел к огромному зданию, в котором нынче приютился вход на станцию метро Арбатская. Он не любил его. То ли дело старый вестибюль, с белыми колоннами, с тяжелыми дверями, украшенными надраенными медными накладками! Рядом с тем входом стоял фонтан с фигуркой голого мальчика, к которому ластится дельфин. Мальчик и дельфин были отлиты из благородной бронзы.

Когда в фонтане начинала шуметь вода, для Кулика наступало лето. Заканчивалось оно не по календарю, не с холодными ветрами и хмурым небом, а с концом веселого бега воды по блестящим телам смеющегося человечка и морского жителя. Зима являлась Кулику в образе того же голого мальчика со снежной шапкой на голове и с пышным белым воротником на плечах. Мальчику было холодно, но он продолжал улыбаться. Кулик думал, что он улыбается, чтобы никому даже в морозы не было грустно.

Кулик любил эту скульптуру Андреева с той поры, как совсем маленьким, держась за руку матери или отца, мог дойти от Собачьей площадки, где они тогда жили, до Арбатской. А сейчас он даже плюнул с досады, увидя плешь на месте давно исчезнувшего фонтана.

Эдуард Рэмирович был тощим невысоким джентльменом с седым чубчиком, из тех, кто утрам бегают трусцой и может без конца рассуждать о здоровом образе жизни.

Он устал. Адресов было немного, но все же пришлось объездить чуть ли не половину Москвы. Эдуард Рэмирович, став пенсионером, подрабатывал курьером. Президент фирмы взял его на эту должность в память долголетней дружбы, что была у Кулика с президентским отцом. Ведь

в курьеры после шестидесяти не попасть. Кулик трудился по вызовам. Когда фирма испытывала нужду в его услугах, ему звонили, и он ездил по Москве, пока не развезет все конверты по адресам. Оплата была сделанной, без ведомостей и расписок. На досуге Эдуард Рэмирович предавался своему давнему, еще со времен работы в КБ, увлечению — писал повести и рассказы. Он получал от этого процесса несравнимое удовольствие. Так что жизнь вошла в определенное русло, и грех было жаловаться...

Он сел на свободное место и открыл газету. Она была толстая и неудобная. Вспомнилось, как (он был тогда школьником) впервые появилась толстая «Неделя». А сейчас тоненьких, в один листок, газет и вообще нет.

Кулика заинтересовал материал о суевериях, связанных с московскими монументами. Ну, например, студенту, чтобы успешно сдать экзамен, полезно гладить морду собаки-пограничника на станции метро Площадь Революции, а для зачета — подержать ее за лапу. Поглаживанием петуха на той же станции устраняют семейные проблемы. А приласкав револьвер матроса, сидящего неподалеку от пса-пограничника, можно разрешить практически любую житейскую неприятность. Но не только скульптуры метрополитена почитаются россиянами, выяснял далее Кулик, есть и другие произведения монументального искусства, приносящие счастье. Шпага Сервантеса очень помогает в интимных мужских затруднениях... Тут Эдуард Рэмирович приехал на свою станцию и сложил газету.

Вернулся он к ее чтению только поздно ночью. Не спалось. Недавний телефонный разговор с редактором финского русскоязычного журнала поверг куликовскую душу в уныние. Редакторша сообщила, что портфель ее журнала забит под завязку, да к тому же в нем публикуются только произведения, связанные с Финляндией. А таковых у Кулика не было.

Редакторша была, по его мнению, редкая стерва. Это проявлялось даже в том, что она упорно называла его Романовичем. Хотя гордое отцовское имя Рэмир (Революция-Электрификация-Мир) было не такое уж редкое. Обидно было и то, что эта профурсетка не сказала ни слова о качестве произведений Кулика.

Не так грустно, когда находят изъяны и явные нестыковки в твоих писаниях, куда хуже, если их даже не читают. Опусы, вышедшие из-под пера Эдуарда Рэмировича, чаще всего одобряли, но публиковали крайне редко. Его повесть была принята к печати одним питерским издательством, но лежала там без движения уже третий год, а из пятидесяти с лишним рассказов увидели свет меньше десятка. Две встречи с читателями (впрочем, в зале не было ни одного человека, прочитавшего хоть одну куликовскую строчку) прошли «на ура». Но дальше похвал и сравнений с Моэмом и нашим Абрамовым дело не пошло. А Эдуарду Рэмировичу хотелось стать членом Союза писателей, давать интервью журналистам, продавать права на экранизацию своих произведений.

Но всего этого не было, и надежд, что будет, тоже не было. Дело в том, что возраст Эдуарда Рэмировича катастрофически быстро приближался к семидесяти, и времени вкушать сладкие плоды своего вдохновения оставалось у него все меньше и меньше.

Для успокоения нервной системы он развернул газету и продолжил знакомство с московскими суевериями.

«Памятник Герцену, — читал Кулик, — стоит во дворе Литературного института. Он помогает сделать успешную карьеру на литературном поприще. Проверено, что для этого необходимо поцеловать его в зад».

Кулик представил очередь из девушек и юношей, студентов Литинститута, которая под одобрительные крики окружающих медленно течет мимо памятника великому демократу. И Герцен, чувствуя ягодичными мышцами искренние и жаркие поцелуи молодых свежих губ, благодарно наделяет своих литературных потомков мастерством, дарит им удачу на тернистом пути к Успеху и Славе. Идиотизм этой сцены развеселил Эдуарда Рэмировича, и он отправился спать.

Не прошло и трех дней, как он оказался у решетки Литинститута. Эдуард Рэмирович направлялся по Тверскому бульвару в сторону Пушкинской площади, но, увидя за красивой решеткой памятник Герцену, замедлил шаг и решил, что конверт с документами можно передать в «Макдоналдс» с небольшим опозданием.

Памятник Александру Ивановичу Герцену стоял в центре аккуратного палисадника. Опавшая листва была убрана и не мешала любоваться скромными осенними цветами у подножья монумента. Небольшая фигура Герцена разместилась на довольно солидном постаменте. Кулик подумал, что даже очень высокий студент с земли не выполнит задуманное, нужна стремянка.

Во дворе никого не было, и за те несколько минут, что Кулик провел у ограды, так никто и не появился. В общем, решение проблемы затруднялось.

На следующий день Кулик, пользуясь специально для этого приобретенными трафаретом и краской, вывел на спине старой штормовки надпись «МОСМОНУМЕНТ». Дождавшись хорошей погоды, он взял стремянку, бутылку с мыльным раствором и, облачившись в куртку со странной надписью, поехал к Литинституту.

Он прошел через ажурную калитку и приблизился к памятнику.

— Какие проблемы? — раздалось за спиной.

Кулик был к этому готов. Он протянул охраннику заполненный бланк накладной с печатью неведомого учреждения:

— Наряд на чистку, сегодня работаем по вашему району.

Охранник кивнул, развернулся и потопал к портику главного здания.

Кулик приставил стремянку к постаменту,

смочил губку мыльным раствором и полез к автору книги «Бывшее и думы».

Стремянка оказалась слишком короткой, а постамент и фигура, при ближайшем знакомстве, неожиданно большими. Кулик не дотягивался до нужного ему фрагмента скульптуры.

Местные голуби по каким-то причинам отдавали предпочтение памятнику Тимирязева, охотно отмечая его знаками своего расположения. Герцен же был чист и готов к поцелуям.

Кулик исхитрился встать на постамент, прижался к статуе и только тут вспомнил, зачем пришел. Он попытался пристроиться к заду Герцена, согнулся и вдруг начал терять равновесие. Чтобы удержаться, он обхватил бронзовую фигуру, щека онемела от прикосновения к холодному металлу. К своему ужасу, Кулик почувствовал, что Герцен покачнулся.

Эдуард Рэмирович сильно ударился о землю спиной, а в следующий момент его накрыла тяжелой статуя демократа.

Герцен не обманул. Городские власти объявили поступок Кулика актом беспримерной и бескорыстной заботы о сохранении национальной культуры. Вскоре был издан двухтомник его рассказов. Более того, Кулика приняли в Союз писателей. Почти сразу после выписки из больницы Склифосовского.

□

Андрей ТОЛСТЫХ

родился в 1945 г. в Москве в семье преподавателя вуза.

Кандидат наук.

С 1994 г. — журналист, автор более сотни статей,

член Союза журналистов.

В 2005 г. в журнале «Введенская сторона»

впервые был напечатан его рассказ, позднее публиковался

также в журналах «Север», «Новый Дом».

В течение многих лет был связан с Карелией,

работал внештатным сотрудником в музее на острове Кижы.

